

УТИНАЯ ОХОТА

1

Зосечка Добровская спала крепко-крепко.

И снился ей прекрасный и смелый сон: котятка Куц, Муц, Пуц, папа Васька и генелисус Сталин били фашистов. — Куц лапой — рrrраз! Муц хвостом! Пуц сверху прыгал! Папка на своем корабле. Встал с большим-пребольшим биноклем на мостике и грозно так командовал: «По фаситам лавным калибом — ОГОНЬ!» А генелисус Сталин улыбался. Он самый-самый добрый дядя. Так воспитательница в детсаде говорила каждый день и показывала на усатого дядю на стене. На потлете на стене. Воспитательница рассказывала, что генелисус Сталин не спит по ночам и думает о каждом из них — и о маленьком мальчике на далёком Севере, и о папе с мамой, и о ней, о Зосечке, поэтому она должна хорошо кушать, хорошо расти, слушаться папу и маму, а ещё, обязательно! это Зосечка точно знала, что генелисус Сталин думал, чтобы было хорошо и Куцу, и Муцу, и, конечно же, Пуцу, и ещё корове Маньке, и курочкам, и гусочкам, и всем-всем-всем. А немцы так смешно бежали. И кричали: «Гителка-

пут!» Это был такой очень смелый, очень хороший сон, о котором надо было обязательно рассказать папе, когда он оставит свой корабль спать на Чёрном море и засвистит громко-громко ещё на улице. А мама Тася отложит перо, отодвинет тетрадки (мама Тася — учительница, и её очень любят в Торжевке. Она не учит детей в Торжевке, а должна ходить учить детей в Липовку, туда идти далеко, но мама Тася говорит, что ей нравится ходить далеко, что она любит вставать рано-рано, пока ещё все спят, тогда она ходит к детям в далёкой Липовке и придумывает им разные смешные задачи), да, мама отодвинет лампу, повернётся, побежит, подпрыгнет, как всегда, и упадет на грудь папе Васе! А потом папа Вася вбежит в хату, бросит в сторону свой чемоданчик, военную фуражку, подхватит Зосечку, его форма будет пахнуть морем, а Зосечка — нет, она не будет спать, разве только совсем чуть-чуть, а ещё он возьмет Куца, Муца и Пуца, обнимет корову Маньку, гусыню Гагу, её утят, потому что папа очень-очень сильный, почти как генелисус Сталин.

Это был такой замечательный, такой смелый сон, что Зосечка засмеялась, не просыпаясь. Репродуктор на стене только начал откашливаться, но очень хорошая девочка Зосечка уже поднялась с подушки, села, покачиваясь, так сильно хотела спать, но старательно запела вслед за торжественным хором, как учила воспитательница: «Саюс нелусимый леспубик сабодих спатила на-ве-ки великая Лусь,

да здастует соданный войей а-а-а-ах». Девочка потеряла закрытые глаза кулачками, зевнула сладко, но упрямо продолжила: «Магущий Совеций Саюс!»

2

Шесть утра. Девочка опять заснула. Она видит красивые сны, которые забываются тут же.

...Эти сны приходят отовсюду. Они прилетают бабочками в цветущий сад её впечатлений; это ещё такой очень молодой сад — побеги в нём растут вкривь, вкось, неожиданно и своевольно. Яркие цветы вспыхивают то здесь, то там. Они покрыты искрящейся росой Зосечкиного смеха, на каждой лужайке, у каждого ручейка, на пляже у широкой реки маминой любви — растут свои цветы. Это тюльпаны игр с папой, мягкая резеда бабушкиных сказок, мамины розы — розы везде — белые, кремовые, бордовые, чёрно-вишнёвые и самые вкусные малиновые. Как здорово в этом саду, где снятся такие разноцветные, такие летучие бабочки! Они спускаются откуда-то сверху, откуда в Зосечкин мир лучится ароматный свет, сны садятся на землю и тут же раскрывают листочки, пускают корни и становятся частью очень хорошей девочки. Сны растут где им угодно, беззаботные, игривые, чудесные. Они любят сплетаться в загадки; из-за каждого листочка, из-за каждого камешка может выпрыгнуть огромное-преогромное веселье, или что-то обидное,

как ободранная коленка, или ужасное, как смерть кошки Муси, но потом это страшное становится ярким и тёплым. Сны не обижают Зосечку. Их ещё не подстригли острыми ножницами воспитатели, в этом саду ещё не проложены дорожки опыта, ещё не стоят новенькие беседки разочарований, в нем ещё нет никакой формы, которая так присуща взрослым.

В этом садике нет ни одной сухой веточки. Это ведь у стариков вместо цветущего сада сухостой. И сны стариковские совсем другие — высохшие, тревожные. Так трутся и стучат сухие ветки в вершинах омертвевших деревьев, с которых давно слетела кора. Кора снов истачивается червями сомнений, её годами исхлестывает град невзгод, листва ярких воспоминаний давно поблёлкла и лежит толстым ковром, укрывая корни, а может быть, и угнетая любой молодой побег. В этот лес не залетают ни птицы, ни бабочки, ни стрекозы. И стучат на жизненном ветру голые ветви, годами выработанные схемы, беззубые, сухие, упрямые, одинокие. В безжалостном каменном лабиринте, за высокими рассыпающимися каменными стенами, стучат ветви — «тук... тук... тук...», а потом — треск, хруст стариковского кошмара — и падает большая ветка или со стоном и визгом валится старое мёртвое дерево — уходят целые куски жизни. И старики забывают. Падает старый тополь — и нет снов о прыжках на тарзанке над весёлой речкой. Мхом покрывается липовый

ствол — и нет первых поцелуев. Только изношенная труха беспорядочных воспоминаний на месте головокружения, азарта и блеска глаз. А вот — целая прогалина. Коряги, хворост — там, где первые годы семейной жизни. А есть пустоши, где, кроме камней, нет ничего. Это места предательств, обид, потерь и боли. Сюда так много лет приходят вспоминать, что на чёрной земле вытоптана любая травинка надежды, земля высохла, она стала пустой и бесплодной, пыль пачкает мысли. На этих пустошах вообще ничего не растёт. Беззвёздная чернота над головой и пыль. Да и кто заглядывает в эти старые заброшенные места? Только тени их владельцев.

У взрослых всё иначе. Дорожки. Тропы. Широкие аллеи. Просчитанные перспективы, панорамы, изгороди и глухие стены. Самые глухие стены загораживают те уголки, где растут самые непослушные, самые сокровенные желания. Туда взрослые прячутся от всех, стараясь поймать, хотя бы краешком глаза уловить внезапное движение, услышать смех, нескромный вздох — там, где они пытаются разуться и пройти босиком по мягкой зелёной траве, пройти невесомо, перепрыгивая с одного цветка на другой — так, чтобы даже стебельки негнулись. Там неожиданно может брызнуть, защекотать фонтан незваной любви и радужно засверкать на солнце. Но только вот как-то так оказывается, само собой получается, что ржавеют замки на калитках в эти заветные уголки. Взрослые выбрасывают ржавые

ключи от потайных дверей. Слишком долго взрослые строили высокие стены, чтобы помнить дорогу к своим мечтам. Слишком много стен. Слишком много правил. Привычных тротуаров. Ежедневных, спокойных, размеренных. Даже уютных. Где невозможно споткнуться. Где не страшно упасть. А если упадёшь — отряхнешься... и пойдёшь дальше. А ещё удивительно, когда люди сами берут садовые ножницы и начинают стричь свои сады, свои души, свои сны. Щёлкают ножницы, и радостная улыбка заменяется вежливой гримасой. Сверкают лезвия, и рука сама пожимает руку подлеца. Звенит острая сталь, и льстивые слова сами срываются с губ. Всё очень правильно. Очень по-взрослому. Ясно и привычно. Известен каждый поворот и закоулок. Это где-то далеко, за высокими стенами стыда и страха, прячутся, дичают и не находят выхода мечты, доверие, страсть, похоть, ненависть. И люди забывают друзей. Перестают замечать близких. Их сады слишком красивы для таких излишеств. Но где-то высоко-высоко — там, ближе к облачному небу — уже начинают постукивать сухие ветви...

3

У Зосечки была любимая чашка. Синяя, с голубым и белым ободком. Из неё очень вкусно пить парное молоко. В Торжевке у бабушки Тони была коза Кóзя. Каждое утро, когда восток только-только

румянился в ожидании прихода властного дня, бабушка Тоня шла в хлев, подсыпала сено корове Маньке, надаивала почти ведро душистого молока. Клеверное сено шло Кóзе — у неё молоко было особенно вкусное.

Много у Тони было дел: и подоить, и сена подсыпать, и курам дать, гусей выпустить на пруд, зерно порушить, чтобы поросёнкам товчь заправить скисшим молоком и зерном, на огороде собрать поспевшую клубнику, с сапочкой пройти, окучить, сколько успеть, картошку, наглянуть на лук, не поела ли муха, подвязать тяжёлые кусты с наливавшимися, ещё зелёными помидорами, вырвать зелени, подкопать молодой картошки, надёргать морковки, печь растопить, завтрак сделать семье, успеть убраться, умыться, причесаться, мужа и дочку проводить на работу. К девяти утра Тоня уже уматывалась, а впереди ведь ещё был целый день.

Тоня взяла Зосину чашку, осторожно, через марлечку, налила козье молочко, поставила на столе, возле Зосино стульчика. Осторожно поцеловала влажный лобик, привычно проверила губами — нет ли у внучки температуры, тихонько поправила мокрый локон на круглом лбу и ушла — дел по хозяйству невпроворот. На тарелочке лежали две помытые морковки, такие нежные, что не надо было счищать кожуру. Так и светились на тарелочке жёлто-оранжевые нежные морковки.